

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Успенский Павел Федорович

**ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ В 1910-1930-Е ГОДЫ: ИДЕНТИЧНОСТЬ,
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ, ПОЭТИКА**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Публикации

На защиту выносятся перечисленные ниже десять статей. Две на английском и восемь на русском языке. В девяти из них П. Ф. Успенский —единственный автор, в одной — второй автор. Девять статей входят в ведущие журналы, включенные в международные базы данных Scopus и WoS; одна — в список D НИУ ВШЭ.

1. Успенский П. Ф. Владислав Ходасевич накануне «Путем зерна»: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, З. Красиньский в стихах и творческом сознании поэта в 1916-1917 годах // Русская литература. 2014. № 4. С. 193–217.

2. Успенский П. Ф. «Путем зерна» как формула революции: Ходасевич, Некрасов, крестьянские поэты и аграрная топика русской лирики // Русская литература. 2020. № 2. С. 131–147.

3. Успенский П. Ф. Модернистский поэт как фольклорный сказитель // Шаги/Steps. 2022. Т. 8. № 2. С. 187–204.

4. Uspenskij P. “Precisely ‘that’”: Vladislav Chodasevič’s poetic technique in Mandel’štam’s *Novye stichi* [«Именно “такое”»: поэтическая техника Владислава Ходасевича в «Новых стихах» Мандельштама] // Scando-Slavica. 2015. Vol. 61. No. 2. P. 207-220.

5. Успенский П. Ф. Тайные поминки по Блоку: Некрасов, Блок, Ходасевич // Русская литература. 2013. № 1. С. 164–179.

6. Орехов Б. В., Успенский П. Ф., Файнберг В. В. Цифровые подходы к «Камер-фурьерскому журналу» В. Ф. Ходасевича // Русская литература. 2018. № 3. С. 19–53.

7. Uspenskij P. Vladislav Khodasevich in the Emigration: Literature and the Search for Identity [Владислав Ходасевич в эмиграции: литература и поиск идентичности] // Russian Review. 2018. Vol. 77. No. 1. P. 88–108.

8. Успенский П. Композиция «Европейской ночи» В. Ф. Ходасевича: как эмиграция определила структуру сборника? // Russian Literature. 2016. Vol. 83–84. С. 91–111.

9. Успенский П. Ф. В. Ф. Ходасевич и А. И. Герцен: о названии и поэтике сборника «Европейская ночь» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 3. С. 5–22.

10. Успенский П. Ф. «На перекрестке» публицистики и поэтической традиции: к прочтению «Памятника» В. Ходасевича // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 215–239.

Результаты диссертационного исследования представлены также в следующих статьях:

1. Успенский П. Ф. «Начинаются мрачные сцены»: поэзия Н. А. Некрасова в «Европейской ночи» В. Ф. Ходасевича // Europa Orientalis. 2012. № 31. С. 129–170.

2. Успенский П. «Жили вместе два трамвая»: «Берлинское» В. Ф. Ходасевича // Русская филология. Вып. 23. Тарту, 2012. С. 112–121.

3. Успенский П. Ф. Поэтическая техника Боратынского в стихах Ходасевича // А.М.П.: Сборник памяти А.М. Пескова. М. : РГГУ, 2013. С. 525–534.

4. Успенский П. «Из дневника» В. Ходасевича: заметка о генезисе двух образов стихотворения // Русская филология. 24. Тарту, 2013. С. 200–208.

5. Успенский П. Ф. «Лиры лабиринт»: почему В.Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов «Тяжелая лира»? // Лотмановский сборник. Вып. 4. М.: ОГИ, 2014. С. 450–467.

6. Успенский П., Шеля А. «Любовь к отеческим гробам»: сны эмиграции и сон Берберовой // Русская филология. Вып. 25. Тарту: Tartu University Press, 2014. С. 302–317.

7. Успенский П. Ф. Травма эмиграции: физическая ущербность в «Европейской ночи» В. Ходасевича // ACTA SLAVICA ESTONICA VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века Вып. XIX. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2015. С. 192–210.

8. Успенский П. Ф. «Россия счастье. Россия свет...» Г. В. Иванова и наследие Ф. М. Достоевского // Русская литература. 2016. № 1. С. 181–189.

9. Успенский П. Ф. Почему В. Ходасевич переводил в эмиграции «Стихотворения в прозе» Ш. Бодлера? (О роли переводов в творческой эволюции поэта) // Wiener Slawistischer Almanach. 2017. № 93. С. 133–145.

10. Успенский П. Ф. В Ф. Ходасевич и Г. Гейне (Статья первая) // Новый филологический вестник. 2017. № 1(40). С. 158–169.

11. Успенский П. Ф. В Ф. Ходасевич и Г. Гейне (Статья вторая) // Новый филологический вестник. 2017. № 3(42). С. 215–227.

12. Uspenskij P. What interpretation did V. Khodasevich give to the life of N. Petrovskaya in emigration? On the poetics of “Renata’s End”, a memoir essay // Новый филологический вестник. 2018. №. 1(44). P. 161–178.

13. Успенский П. Ф., Игнатъев Д. Д. Путешествие в литературный элизиум: «Элегия» В. Ходасевича // Новый мир. 2018. № 2. С. 185–195.

14. Uspenskij P. Символизм как точка сборки: новые исследования русского модернизма // Russian Literature. 2020. Vol. 114-115. P. 203–217.

15. Успенский П. Ф. «Слепой червь»: заметка об одном образе из «Путем зерна» Ходасевича // Профессор, сын профессора. Памяти Н. А. Богомолова. М.: Водолей, 2022. С. 545–551.

Апробация работы

Основные положения и результаты исследования обсуждались в 2011–2022 гг. на 11 международных и национальных конференциях и семинарах, в их числе:

1. апрель 2011, Санкт-Петербург. Всероссийская конференция «Вторые некрасовские чтения в Пушкинском доме» (ИРЛИ РАН). Доклад: «Некрасов и Ходасевич. Заметки к теме».

2. сентябрь 2011, Варшава. Международная конференция «Мандельштамовские дни в Варшаве». Доклад: «Поэтическая техника Ходасевича в “Новых стихах” Мандельштама».
3. январь 2012, Санкт-Петербург. Всероссийская конференция «Тридцать шестая некрасовская конференция» (ИРЛИ РАН). Доклад: «Тайные поминки по Блоку: Некрасов, Блок, Ходасевич».
4. февраль 2012, Москва. Всероссийская конференция «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ). Доклад: «Генезис заглавия сборника Ходасевича “Путем зерна”».
5. апрель 2012, Тарту. Международная научная конференция молодых филологов. Доклад: «На подступах к поэтике зрелого Ходасевича. “Играю в карты, пью вино...”».
6. февраль-март 2013, Тарту. Международная конференция «Лотмановский семинар». Доклад: «Какие смыслы вкладывал В. Ходасевич в заглавие сборника “Европейская ночь”?»
7. март 2013, Москва. Всероссийская конференция «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ). Доклад: «Поэтическая техника Боратынского в стихах Ходасевича».
8. февраль-март 2014, Тарту. Международная конференция «Лотмановский семинар». Тема доклада: «Физическое уродство в “Европейской ночи” В. Ходасевича».

9. февраль-март 2015, Тарту. Международная конференция «Лотмановский семинар». Доклад: «Эмигрантская самоидентификация: Ходасевич в 1930-е годы».

10. февраль-март 2016, Тарту. Международная конференция «Лотмановский семинар». Доклад: «“Автомобиль” В. Ходасевича: цитатный план стихотворения».

11. октябрь 2017, Москва. Международная научная конференция «1917 год в истории и судьбе русского зарубежья». Доклад: «“Камер-фурьерский журнал” В. Ф. Ходасевича: источник по истории русской эмиграции и социальная сеть».

Всего по теме диссертационного исследования было сделано 20 докладов на русском языке.

Введение

Настоящее исследование посвящено жизни и творчеству поэта, мемуариста, литературного критика и пушкиниста Владислава Ходасевича (1886–1939). В академическом литературном каноне Ходасевич как поэт занимает видное место, хотя и уступает в популярности у читателей «знаменитой четверке» — А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштаму и Б. Пастернаку. Вместе с тем его литературное наследие, несомненно, не только играло важную историческую роль в литературном поле 1900-х—1930-х годов, но и во многом определило и отчасти определяет до сих пор эволюцию русской поэзии, по крайней мере, ее «традиционалистского», «(нео)классического» сегмента. Рефлексы стихов Ходасевича и черты его поэтики видны в творчестве таких разных поэтов следующих поколений, как Е. Кропивницкий, А. Тарковский, М. Айзенберг, С. Гандлевский, М. Гронас и др.

Статус «неоклассика», однако, в случае Ходасевича крайне обманчивый. Вопреки известному заявлению Ю. Н. Тынянова из статьи «Промежуток» (1924) — «его [*Ходасевича* — П.У.] стих нейтрализуется стиховой культурой XIX века» [Тынянов 1977: 173] — лирика Ходасевича глубоко оригинальна. Особенно это видно на фоне поэтов–традиционалистов Б. Садовского и Ю. Верховского, не вошедших в литературный канон и известных сейчас только специалистам. Если Ходасевич и «неоклассик», то особый. Ходасевич, сформировавшийся в атмосфере русского символизма и начинавший как символист третьего поколения (следующего за «старшими» и «младшими»), конечно, принадлежит модернистскому контексту, и его установка на классичность стала следствием сложных литературных поисков, а не отказом от модернизма. Результатом этих поисков стала поэтика Ходасевича второй половины 1910-х—1920-х годов, которая и находится в центре нашего внимания.

Основная **цель** работы состоит в анализе и контекстуализации поэтики зрелого Ходасевича, реализованной в трех поэтических сборниках — «Путем зерна» (1920), «Тяжелая лира» (1922) и «Европейская ночь» (1927). В этом исследовании поэтика понимается достаточно широко — не только как набор приемов, организующих литературные тексты, но и как комплекс тем и мотивов, а также как взаимодействие произведения с литературной традицией. Безусловно, возможно исключительно формальное описание поэтики Ходасевича без подключения литературных и биографических контекстов, однако в данном случае такой подход кажется в большей степени обедняющим. Во-первых, Ходасевич, как и его современники, был вынужден проживать большие исторические события — Первую мировую войну, революции 1917 года, Гражданскую войну, русскую эмиграцию первой волны. Все это не могло не влиять на его мировоззрение, а как следствие — и на его стихи. Во-вторых, творческая биография Ходасевича интересна и сама по себе в историческом контексте, — ее анализ вносит вклад в наше представление о субъектности русской интеллигенции в 1910-1930-е годы. Поэтому хотя и

сопутствующая, но не менее важная **цель** настоящего исследования заключалась в том, чтобы проинтерпретировать узловые моменты творческой биографии Ходасевича и проанализировать его идентичность в уникальных исторических обстоятельствах. Основной акцент здесь сделан на революции 1917 года и эмиграции, которая рассматривается в целом ряде методологических оптик.

Поставленные цели предполагают решение целого ряда **задач**. Необходимо проанализировать узловые моменты творческой биографии Ходасевича, обращая внимание как на обстоятельства его личной жизни, так и на исторический контекст. Необходимо также выявить и описать отношение Ходасевича к синхронной литературе и к классическим авторам, принадлежащим традиции. Не менее важно проанализировать, какие дискурсивные и поэтические паттерны проявляются в его стихах, мемуарах и критических текстах, как меняются поэтические принципы поэта от сборника к сборнику, какие темы и приемы использует поэт и с какой литературной традицией эти темы и приемы связаны генетически (в перспективе исторической поэтики).

В представленных к защите статьях проанализированы узловые моменты творческой биографии Ходасевича, а также поэтика его лирики, менявшаяся от сборнику к сборнику. Одновременно мы обращаемся к прозаическим текстам, критическим очеркам и мемуарам Ходасевича и выявляем творческие принципы, определявшие тот или иной текст. В диссертации выделяются наиболее проблемные аспекты жизни и творчества поэта. Стоит оговорить, что мы не ставили своей задачей написать биографию Ходасевича или проанализировать каждое его стихотворение. Напротив, нам было необходимо, выявив ключевые биографические эпизоды и поэтические принципы, предложить целостную концепцию, которая, с одной стороны, учитывает наиболее значимые произведения поэта, а с другой, — позволяет расширить представления о специфике модернизма и переосмыслить филологические подходы к хорошо известной эпохе.

Актуальность темы нашего исследования заключается в том, что жизнь и творчество Ходасевича в историко-литературном контексте эпохи нуждаются в серьезном пересмотре, который давно назрел. Разумеется, Ходасевичу посвящен целый ряд весьма важных работ [Bethea 1983; Левин 1986; Богомолов 1989; Бочаров 1996; Сурат 1994; Demadre 1999], а также — прежде всего, стараниями покойного Н. А. Богомолова — собрано множество фактических сведений о его жизни и творчестве [Богомолов 2011]. Однако **степень разработанности темы**, с нашей точки зрения, далека от финального этапа. В указанных работах ряд положений устарел, а некоторые темы никогда не затрагивались. Современные недавние исследования также не закрывают проблему. Биографии Ходасевича [Шубинский 2011; Муравьева 2013] слишком сконцентрированы на фактической стороне жизни поэта и не предлагают ни объяснения поэтики, ни глубокой интерпретации тех или иных эпизодов творческой биографии. Недавние монографии о Ходасевиче—поэте либо слишком описательны [Федотов 2017], либо строятся, с нашей точки зрения, на подходах, не вполне раскрывающих специфику зрелой лирики поэта [Сковорцов 2021], либо затрагивают лишь определенные тексты и периоды [Зельченко 2019; Ананко 2020]. Таким образом, в поэтике Ходасевича остается не проясненным. Настоящая диссертация призвана заполнить эти лакуны.

Кроме того, говоря об **актуальности** работы, нельзя не упомянуть постоянный исследовательский интерес к литературе русского модернизма и поэтике отдельных авторов. В работах А. В. Лаврова, Р. Д. Тименчика, А. К. Жолковского, Д. М. Магомедовой, А. А. Долинина, М. Л. Спивак, И. Д. Шевленко анализируется как модернистская эпоха в целом, так и творчество таких авторов, как А. Белый, А. Блок, И. Анненский, Б. Пастернак, М. Цветаева и других важнейших поэтов модернизма. Для лучшего понимания историко-литературного процесса и поэтических траекторий эпохи необходимо целостное представление об фигуре Ходасевича и его поэтике, а также об актуальном для него литературном контексте.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в исследовании предлагается междисциплинарный подход к жизни и творчеству Ходасевича, который может быть использован при анализе биографии и поэтики других модернистов. Кроме того, на материале творчества Ходасевича в исследовании, в частности, выдвигается модифицированная теория интертекстуальности, благодаря которой может быть совершен пересмотр творчества ряда поэтов русского модернизма (методы исследования подробнее описаны в следующем разделе). **Практическая значимость** диссертационного исследования заключается в том, что ряд положений работы может быть использован в таких курсах, как «История русской литературы XX века», «История литературы русского зарубежья», а также в рамках иллюстративного материала в курсах «Теория литературы», «Методы гуманитарных исследований», спецкурса «Жизнь и творчество Владислава Ходасевича» и др. Кроме того, положения работы могут использоваться для составления научно-популярных лекций и очерков о русской литературе XX века, о традициях русской культуры в модернизме, а также в учебных пособиях и материалах.

Материалом для диссертационного исследования послужили произведения Ходасевича: три поэтических сборника — «Путем зерна», «Тяжелая лира», «Европейская ночь», критические статьи поэта, его мемуарная книга «Некрополь», проза («Жизнь Василия Травникова», «Державин»), а также его письма и специфический дневник эмигрантского периода («Камер-фурьерский журнал»). Можно утверждать, что нами было проанализировано все опубликованное творческое наследие Ходасевича 1910-х–1930-х годов. Однако текстами поэта материал исследования, разумеется, не ограничивается.

Поскольку сквозным сюжетом диссертации является вопрос об ориентации Ходасевича на литературную традицию, материалом исследования послужили также многочисленные тексты русской и европейской классики. Мы систематически обращаемся к классической

русской поэзии XVIII–XIX века (Г. Державин, В. Жуковский, А. Пушкин, Е. Баратынский, Н. Некрасов, А. Фет) и обращаемся к важнейшим европейским поэтам (Г. Гейне, Ш. Бодлер). Не меньшую роль играет и классическая проза, прежде всего, произведения Ф. Достоевского и А. Герцена. Мы также привлекаем к исследованию творчество польского драматурга З. Красиньского, которого Ходасевич переводил. Отдельный кластер источников составляет литература модернизма, прежде всего, русского символизма. Мы обращаемся к литературному наследию (включая критику) Д. Мережковского, В. Брюсова, К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, Б. Садовского, О. Мандельштама, Г. Иванова, Г. Адамовича и других современников поэта.

Методология диссертационного исследования базируется на традиционном историко-литературном подходе. Однако мы убеждены, что самого по себе дескриптивного описания фактов для объяснения жизни и поэтики Ходасевича недостаточно. Более того, в некоторых случаях мы ставили своей задачей пересмотреть сложившиеся методы анализа поэзии модернизма — либо предложить модификации принятых инструментов, восходящих к конкретным теоретическим построениям, либо применить к историко-литературному материалу методы, которые российское литературоведение не очень часто использует применительно к модернизму.

Анализируя поэтику конкретных произведений, мы опирались на четыре основных парадигмы исследований модернизма — герменевтику, формальный анализ, структурализм и интертекстуальную теорию. Вслед за формалистами, мы исходили из того, что организующие литературный текст приемы играют в литературе важнейшую роль. В отличие от формалистов мы, однако, считаем, что категория смысла не менее важна для литературных произведений, чем их формальная организация. Поэтому, опираясь как на герменевтическую практику, так и на лучшие образцы структуралистского анализа текста (Ю. М. Лотман, А. К. Жолковский и др.), мы также анализировали темы и смысловое устройство многих произведений

Ходасевича. В работе мы также обращаемся к интертекстуальной теории, но предлагаем ее модификацию, основанную на теории эпического сказительства, разработанную фольклористами [Лорд 2018]. Модификация интертекстуальной теории дает возможность лучше объяснить специфику стихов «Тяжелой лиры».

Другой блок подходов связан с описанием социальной ситуации, в которой жил Ходасевич, с анализом его литературной траектории и с реконструкцией его творческого сознания и идентичности. В этом контексте мы обращаемся к нескольким смежным гуманитарным подходам. Анализируя социальную траекторию поэта, мы опираемся на теорию литературного поля П. Бурдьё. Статистику и хорошо разработанный аппарат анализа социальных сетей используется нами при обработке «Камер-фурьерского журнала» Ходасевича и, соответственно, при анализе динамики эмигрантских сообществ. Мы обращались также к культурологическим исследованиям межвоенной эмиграции [Livak 2003; Каспэ 2005]. Помимо социологии для нас важную роль играла психология и теория травмы [Caruth 1996; [Ушакин&Трубина (ред.) 2009].

Таким образом, методология исследования сочетает традиционные историко-литературные подходы и подходы смежных дисциплин. Многофокусная оптика дает возможность целостно и более стереоскопически рассмотреть жизнь и творчество Ходасевича в 1910-е—1930-е годы.

Осветим подробнее результаты, полученные в ходе проведенного исследования.

Третий сборник Ходасевича «Путем зерна» был опубликован в 1920 году. В книгу вошли стихи 1914-1920-х годов (при переиздании были включены и стихи 1921 года). Этот сборник завершал символистский этап жизни и творчества Ходасевича и вносил ряд инноваций в его поэтику. Этим двум аспектам стоит уделить особое внимание.

В нашем понимании творчества Ходасевича и русского модернизма мы исходим из того, что символизм был ключевым литературным направлением,

задавшим основные литературные тренды для всех последующих писателей и поэтов, в частности, для Ходасевича. Как было показано в нашей книге о раннем творчестве Ходасевича, поэт буквально вырос из русского символизма [Успенский 2014а]. Новый этап эволюции Ходасевича начался с Первой мировой войной и длился до 1920 г. Мы подробно проанализировали творческие принципы и поэтику литературных текстов этого времени. В психологическом плане этот период отличается своего рода неустойчивостью и катастрофизмом. Начавшаяся война поначалу вызвала у Ходасевича прилив патриотизма, однако очень быстро от этих настроений не осталось и следа. Глобальность исторических событий и самоубийство на войне ближайшего друга поэта Муни в марте 1916 года привели Ходасевича к тяжелому психологическому состоянию и к мыслям о скорой собственной смерти. Сначала предощущение краха Империи, а затем и воплощение этих ощущений в 1917 году определяли нестабильную идентичность поэта. Все это нашло отражение в стихах 1916–1917 годов. В этих стихах Ходасевич системно обращается к поэзии Некрасова и его характерным темам (ужасы города, страдания людей, слезы матерей во время войны), а также перерабатывает ряд сюжетов экзистенциальных тем Достоевского, прежде всего, из романа «Братья Карамазовы». Ходасевич, таким образом, выступает продолжателем гуманистической, социальной и экзистенциальной линии русской литературы. Продолжение классики, однако, не было прямым, и посредниками в ее усвоении послужили символисты. Вместе с тем в этих стихах Ходасевича впервые в творческой эволюции поэта обращение к XIX веку стало оригинальным и самостоятельным. Тексты символистов послужили для Ходасевича лишь ориентиром, а произведения русской классики вышли на первый план. В стихах 1916–1917 годов видны зачатки новой интертекстуальной поэтики, которая разовьется в «Тяжелой лире».

Одной из смысловых доминант сборника «Путем зерна» было принятие революции и новой Советской России. Наиболее развернуто она проявляется в опорных текстах сборника — «Путем зерна», ставшего названием книги, и в

закрывающим сборник стихотворений «Хлебы». Принято считать, что выведенная Ходасевичем формула истории — «путем зерна» — восходит к словам Иисуса Христа из Евангелия от Иоанна (Ин. 12: 24). Однако библейский план вовсе не был основным. Дело в том, что в русской литературной традиции сформировался особая аграрная топика («зерно», «сеятель», «нива», «жатва» и т. п.), которая была связана с идеей революции. В русской традиции этот топос восходит к пушкинскому стихотворению «Свободы сеятель пустынный...», в котором новозаветная притча о сеятеле переосмысливается в политическом ключе. Этот топос был развит Некрасовым в нескольких знаковых стихотворениях, а от Некрасова перешел как в народническую поэзию, так и в творчество русских символистов. Обращения к этому топосу стали особо частотными и важными в революционном 1917 году и в последующие годы. Его, в частности, системно и последовательно варьировали «новокрестьянские поэты» (Н. Клюев, С. Есенин, П. Орешин). В их творчестве обсуждаемый топос был связан с идеологией левых эсеров. На таком фоне стихотворение Ходасевича «Путем зерна» оказывается глубоко идеологичным и отражающим временное приятие революции поэтом.

«Тяжелая лира» (1922) справедливо относится к лучшим сборникам русской поэзии XX века. В этой книге Ходасевич нашел свой уникальный и неповторимый голос и выработал особую поэтику. Ее принципы и составляют ядро следующей части нашего исследования.

В диссертации предлагается новый возможный взгляд на интертекстуальность поэзии русского модернизма и на поэтику «Тяжелой лиры» в частности. Мы предлагаем разделять поэзию модернистского периода на два полюса с разными доминантами — эксплицитно инновативную и имплицитно инновативную поэзию. Эксплицитно инновативная поэтика порождает такие высказывания, которые не существовали ранее и которые были восприняты читателями и литературным полем именно в новаторском качестве. Такая поэтика стремится избегать открытой, рассчитанной на опознание интертекстуальной игры. Имплицитно инновативная поэтика в

чистом, абстрактном виде, напротив, пытается сказать нечто новое, используя уже существующие тексты и предполагая, что цитатный план будет считываться в актах перцепции. Эффект новизны достигается здесь за счет новых конфигураций цитатных элементов, мастерского соположения более или менее известных в культуре строк и образов. Такую имплицитно инновативную поэтику и реализует Ходасевич в «Тяжелой лире».

Как уже отмечалось, чтобы понять механизмы текстопорождения, актуальные для такого типа поэтики, мы предлагаем обратиться к теории фольклорного сказительства, которая наиболее отчетливо описала механизмы создания / исполнения текста исполнителем [Лорд 2018]. Сказитель, исполняющий эпический текст, исходил из набора вербальных формул (словесных клише) и фонда эпических тем / «общих мест» — сюжетных единиц, регулярно употребляемых певцом в поэзии в целом. Мастерство сказителя напрямую зависело не только от памяти, но и от умения перераспределять и перестраивать формулы и темы.

Притом что эпические фольклорные сказания не похожи на лирику первой трети XX в., представляется, что приложение к авторам модернизма, прежде всего, к Ходасевичу, фольклористской модели дает важные результаты. В имплицитно инновативной поэтике проявляются сходные принципы, что и в фольклорной традиции, но только в миниатюре. Для модернистского поэта корпус предшествующих текстов объединяется в единый континуум, который подобен традиции в фольклоре. Существенное отличие заключается в том, что поэт, в отличие от сказителя, волен моделировать традицию на свой вкус. В рамках такой поэтики лирическое высказывание часто ориентируется одновременно минимум на два претекста. Одновременная ориентация на два источника — не что иное, как создание темы / общего места.

Для модернистского поэта одна из важнейших задач освоения традиции заключалась в умении комбинировать темы одного и стиль другого сегмента канона. Речь идет о случаях, когда в рамках корпуса текстов, принадлежащих

культурному наследию, выбираются полярные составляющие, тематика и язык которых, на первый взгляд, не вполне совместимы. Именно таким образом устроены насыщенные самыми разными аллюзиями и реминисценциями стихи «Тяжелой лиры». В сборнике Ходасевич достигает виртуозного расподобления литературных тематических линий и стилистических клише, отсылающих к поэтическому языку «золотого века» (внушительный список аллюзий и реминисценций, который, впрочем, может быть расширен см. в: [Левин 1986: 45–62]).

Предлагаемая модель, с одной стороны, позволяет уточнить механизмы восприятия устроенных таким образом произведений. В сознании даже самого эрудированного читателя, надо полагать, происходит своего рода нейтрализация претекстов, подобно тому как в фонологии в некоторых позициях происходит нейтрализация фонем. Такого рода произведения обеспечивают читателю ощущение, что они встроены в традицию и что-то напоминают, но одновременно оставляют впечатление глубоко оригинальных текстов. С другой стороны, модель позволяет лучше объяснить, как модернистские авторы в целом и Ходасевич в частности могли держать в голове внушительный объем текстов и работать с ними в собственных произведениях. В целом, в перспективе автора поэтическая удача заключалась в том, что ему удавалось создать такое поэтическое высказывание, в котором исключалась прямая зависимость от одного произведения и которое при этом было приобщено к традиции.

В «Тяжелой лире» интертекстуальность достигает огромной концентрации, и неудивительно, что многие аллюзии, реминисценции и претексты уже были описаны исследователями. Хотя для нас важнее было восстановить творческие принципы, в рамках которых такая поэтика оказалась возможной, мы также считаем необходимым проиллюстрировать этот тип поэтики на нескольких хрестоматийных и весьма показательных примерах. Во-первых, стоит обратиться к ключевому для сборника и манифестарному стихотворению «Балладу» (1921). В нем выделяется целый ряд претекстов,

актуальных как для отдельных строк и образов, так и для стихотворения в целом. Это и сам образ «тяжелый лиры», восходящий к Державину и одновременно к Фету, и мифологизированный в русской культуре сюжет о передаче лиры младшему поэту, и пушкинский «Пророк», а также статьи и стихи Блока, лирика И. Анненского и Мандельштама. «Баллада» наглядно демонстрировала подчеркнутую ориентацию Ходасевича на традиции русской литературы от Державина до современников. Во-вторых, работа с литературной традицией хорошо видна в «Элегии» (1921). Круг претекстов стихотворения может быть существенно расширен (Жуковский, К. Батюшков, А. Дельвиг, Баратынский, Тютчев), а жанровые координаты текста уточнены: стихотворение содержит рефлексии не только элегии, но также оды и баллады.

Среди узнаваемых черт «Тяжелой лиры» особо выделяются своеобразная ирония поэта и весьма частотный для его лирики прием неожиданного смыслового поворота. На важность иронии в «Тяжелой лире» указывал еще Д. Бетеа [Bethea 1983: 109ff]. Фигура иронии часто с трудом поддается формализации, однако в некоторых текстах Ходасевича она проступает настолько отчетливо, что в ней не остается сомнений. Нас особо интересовал генезис поэтической иронии Ходасевича, которая, с нашей точки зрения, восходит к одному из самых ироничных европейских поэтов — Гейне. Как мы показываем, Ходасевич вел с Гейне длительный литературный диалог. В «Тяжелой лире» Ходасевич берет не вооружение не только гейневскую иронию, но и его трактовку любовной темы, которая во многих циклах немецкого поэта осциллирует между язвительной иронией и предельной серьезностью.

Еще один важный прием многих стихов «Тяжелой лиры» — это прием неожиданного смыслового поворота. Этот прием интересен в двух аспектах — в аспекте его устройства и в аспекте его генезиса. Как правило, этот прием реализуется за счет финала — последние строки стихотворения противостоят предшествующему смыслу и заставляют читателя переосмыслить предыдущий текст в свете новых значений. В перспективе психологии, мы

имеем дело с хорошо описанным феноменом когнитивного диссонанса, в рамках которого сознание имеет несколько возможностей разрешить противоречие. Для современников этот прием был своего рода «визитной карточкой» Ходасевича. Это, в частности, доказывается в анализе влияния автора «Тяжелой лиры» на «Новые стихи» Мандельштама.

Традиционно генезис этого приема связывают с поэтикой эпиграммы. Однако в перспективе истории русской поэзии эта точка зрения нуждается в корректировке. Дело в том, что между жанром эпиграммы и лирикой Ходасевича есть очень важное промежуточное звено — лирика Баратынского. Именно Баратынский системно переводил эпиграмматический принцип в область серьезной поэзии, создавая в своих стихах особую смысловую полифонию. Мы убеждены, что Ходасевич ориентировался на поэта XIX века.

Таким образом, проделанное исследование позволяет углубить наши представления о поэтике «Тяжелой лиры» и найти новые основания для ее описания, связанные как с ревизией интертекстуальной теории, так и с обращением к истории поэтических приемов.

В этом разделе работы мы также обращаемся к идентичности Ходасевича в узловой для него 1921 год. Поэт стал считать себя наследником Блока по пушкинской линии. Однако отношение поэта к Блоку было не столь однозначным. Анализируя реакцию Ходасевича на смерть старшего современника, мы обращаемся к одному, на первый взгляд, странному сюжету из мемуарной книги «Некрополь». В очерке «Гумилев и Блок» Ходасевич вспоминал, как предложил деревенской молодежи помянуть Блока и спеть некрасовских «Коробейников». «Тайные поминки» были своего рода актом деконструкции идей Блока о народе и народности. Тот факт, что деревенская молодежь не знала ушедшие в фольклор строки самого «народного» русского поэта, в представлении Ходасевича обрушал все возможные спекуляции о связи интеллигенции и народа. Этот биографический эпизод, с нашей точки зрения, позволяет скорректировать линию преемственности Блок—Ходасевич (она не касалась мифологизации России и ее исторического пути).

Последняя часть нашего исследования посвящена Ходасевичу в эмиграции (1922–1939). Этот период жизни и творчества поэта мы анализируем сразу в нескольких аспектах.

Прежде всего, на материале «Камер–фурьерского журнала» (далее — КФЖ) мы обращаемся к социальной структуре деятелей культуры эмиграции и контекстуализируем место Ходасевича в ней. Специально обработав КФЖ, мы применили к нему сетевой анализ и другие методы, подразумевающие формализацию данных и количественный подход. Нас специально интересовала социальная роль Ходасевича, его конкуренция с Г. Адамовичем и Г. Ивановым, а также его отношения с «младшими» поэтами. В мемуаристике и исследованиях, посвященных как эмиграции в целом, так и Ходасевичу в частности, сложилось представление, что поэт был близок со «старшими», а с «младшими» общался не очень активно. Ходасевичу традиционно противопоставляется Адамович, властитель умов молодых писателей-эмигрантов. Как показывает анализ данных, в целом в эмигрантские годы Ходасевич знал больше старших, а не младших представителей эмиграции, однако с 1932 года с «младшими» он однозначно общался весьма интенсивно, надо полагать, не менее интенсивно, чем Адамович. Мы предлагаем считать, что что литературное поле эмиграции сформировало позицию старшего литератора, своего рода идеолога литературного движения и наставника молодых поэтов, и за эту позицию Адамович и Ходасевич активно конкурировали, реализуя различные модели поведения. Поскольку в конечном счете эмигранты сами признали, что эту позицию занял Адамович, культурная мифология связала его с «младшими». Ходасевич же, проигравший в этой «схватке», в культурной традиции был расположен в отдалении от молодых, и ему были приписаны черты писателя-одиночки. Таким образом, полученные данные позволяют опровергнуть сформировавшееся предубеждение о Ходасевиче в 1930-е годы и перевести вопрос в плоскость социологии литературы.

Тот факт, что Ходасевич проиграл Адамовичу социальную позицию властителя умов, с нашей точки зрения, неслучаен и объясняется психологическими причинами — мучительными поисками идентичности и травмой эмиграции. Уехав из Советской России в 1922 г., Ходасевич надеялся на скорое возвращение, однако весной 1925 г., когда поэту пришлось обосноваться в Париже, стало понятно, что период полуэмиграции закончен, а возвращение невозможно. С этого момента Ходасевич мучительно переживал необходимость находиться в эмиграции и на глубинном уровне был почти постоянно разочарован в своей жизни. Психологическое состояние Ходасевича в 1925-1939 годы можно охарактеризовать как длительный кризис идентичности. Ходасевич воспринимал свою жизнь как череду несчастий, и травма день за днем не позволяла найти новое положительное самовосприятие, как бы он ни пытался это сделать в своих литературных произведениях. Опираясь на ряд эгодокументов и биографических свидетельств (письма, воспоминания о поэте, его сны) и рассматривая их в оптике *trauma studies*, мы показываем, что для Ходасевича поиск идентичности в ситуации эмиграции был сопряжен со своеобразным эскапизмом, перемещением в эпоху литература XIX века, которая была для него полем символических проекций. В нем он то идентифицировал себя с великими поэтами прошлого, то считал себя забытым и никому не нужным литератором. Кроме того, Ходасевич перестал чувствовать цельность своей личности и для описания своего состояния систематически выбирал травматические образы и метафоры, связанные с телесной ущербностью. Такое понимание идентичности Ходасевича дает возможность по-новому рассмотреть его эмигрантские произведения. Мы рассматриваем несколько текстуальных пар, наполненных автобиографическими проекциями: «Державин» — «Поэзия Игната Лебядкина»; незаконченная биография Пушкина — «Жизнь Василия Травникова». Мистификацию «Жизнь Василия Травникова» мы подробно рассматриваем как автобиографическое произведение, подробно описывающее травматическое состояние поэта.

Разумеется, оптика травмы позволяет пристальнее рассмотреть и поэзию Ходасевича. Подробный анализ репрезентации телесности в стихах «Европейской ночи» позволяет прийти к выводу, что многие стихи содержат образы физической неполноценности и инвалидности, которые описываются поэтом в разной модальности (то в сочувственной, то в сатирической). Образы физической ущербности мы напрямую связываем с травмой эмиграции. Психологическая оптика позволяет нам объяснить и мемуарный текст — один из ключевых для «Некрополя» очерк «Конец Ренаты» (1928). Как мы показываем, в мемуарном очерке Ходасевич не только проникательно воссоздавал и описывал мировоззрение и жизнетворческие практики символизма, но и проецировал на эмигрантскую судьбу Н. Петровской свой собственный травматический опыт эмиграции.

Выше мы уже отмечали, что в эмигрантском периоде жизни и творчества Ходасевича выделяется первый этап, 1922–1925 году, когда поэт еще не стал эмигрантом окончательно. Это время полуэмиграции отличается большой поэтической продуктивностью: именно тогда была создана значительная часть стихов «Европейской ночи». В 1925–1927 годы, напротив, поэтическая активность Ходасевича сходит на нет, и вскоре он замолкает как поэт, лишь изредка сочиняя шуточные тексты или штучные серьезные стихи.

Важность такого разделения дополнительно обсуждается в специальном разделе. В этой части нашего исследования мы подробно анализируем свидетельства Ходасевича об эмигрантах и его стихи 1922–1925 годов. Отталкиваясь от того, что первые годы он крайне негативно относился к соотечественникам за границей, мы доказываем, что «Европейская ночь» изначально задумывалась как книга сатирических стихов, которую можно будет опубликовать по возвращении на родину (разумеется, при изменении политической обстановки в стране). Однако «Европейская ночь» в том виде, в каком она известна читателям, не воспринимается как сатирическая поэзия. Мы объясняем это тем, что в включенных в сборник стихах 1925–1927 годов Ходасевич резко изменил смысловые акценты, а поскольку эти тексты он

расположил в сильных местах книги, именно они образовали смысловую доминанту сборника и изменили восприятие стихов предшествующего периода. Тексты 1925–1927 годов создали лирическое пространство, в котором Европа и Россия были уравнены между собой, а стихи об эмигрантах стали восприниматься как описания европейцев. Кроме того, эти тексты были наполнены таким экзистенциальным отчаянием, что вытравили сатирическую интенцию произведений 1922–1925 годов.

Смысл названия последней поэтической книги Ходасевича и стоящую за ним культурную традицию мы связываем с образами А. Герцена. Мы доказываем, что для попавшего в эмиграцию Ходасевича Герцен, главный русский изгнанник XIX века, стал исключительно важной моделью. Разочарование Герцена в европейской жизни (связанное с поражением революции 1848 года) и его обличение мещанства задавал один из образцов отношения к европейскому миру для приехавшего на Запад русского интеллектуала. Эта модель стала актуальной и для Ходасевича. Заглавие «Европейской ночи» и ряд стихов книги, как подробно показывается в исследовании, также непосредственно связаны с Герценом.

Если Герцен задал парадигму мировоззренческого отношения Ходасевича к Европе, западному миру и западному мещанству, то социальная лирика Некрасова оказалась наиболее близким к задачам Ходасевича поэтическим материалом, работая с которым, можно было создавать собственные высказывания о европейской жизни. Иными словами, многие стихи «Европейской ночи» идеологически соотносятся с Герценом, но поэтически — с Некрасовым. «Европейская ночь» строится на последовательной переработке поэзии Некрасова и в определенном смысле в этом аспекте может соперничать с «Пеплом» Белого.

Наконец, последняя часть нашего диссертационного исследования посвящена стихотворению «Памятник» (1928). Чтобы подчеркнуть особенности этого стихотворения Ходасевича, мы считаем необходимым контрастно его сопоставить со стихотворением Г. Иванова «Россия счастье.

Россия свет...». Стихи Иванова, на первый взгляд, остросоциальны (поэт задается вопросом, существует ли Россия, а также создает мрачный и безысходный образ страны), однако, как мы показываем, смысловое устройство стихотворения основано на литературных ассоциациях и аллюзиях, среди которых ключевую роль играет фигура Достоевского и некоторые темы его произведений. «Памятник», напротив, только на первый взгляд кажется стихотворением на традиционную тему. Как мы показываем, в «Памятнике» отразились вполне конкретные представления Ходасевича об эмиграции и о ее социально-политической роли. Это принципиально двухплановое стихотворение, в котором поэтические условности прочитываются и одновременно как поэтические условности, и как слова, транслирующие определенную концепцию автора. В исследовании мы суммируем наблюдения исследователей и подробно анализируем литературный и политический планы текста. Если Иванов движется от политики к литературе, то Ходасевич несколько парадоксально от литературы к политике.

Таким образом, мы можем утверждать, что период эмиграции был для Ходасевича травматическим и внутренне противоречивым. Эмиграция дала ему возможность создать последнюю книгу стихов, содержащую ряд инноваций на фоне «Тяжелой лиры» (мы прежде всего имеем в виду исключительно глубокое обращение к социальной и гражданской линии русской классической литературы), а также реализовать себя как мемуариста, пушкиниста и литературного критика. Вместе с тем все эмигрантские годы Ходасевича отмечены мучительным поиском собственной идентичности и существованием в травматическом состоянии, которые привели его к поэтической немоте. Это сложное состояние не только определило поэтику лирики, прозы и мемуаров Ходасевича, но и подталкивало искать его разные модели для самоидентификации. В социальном аспекте судьба Ходасевича в эмиграции оказалась двойственной. Он воспринимался как исключительно важный поэт, критик и мемуарист, однако проиграл борьбу за позицию

наставника молодых поэтов. Учитывая, насколько для поэта всю жизнь была важна идея литературы как живой традиции, а также помня о настигшей его поэтической немоте, можно утверждать, что эмигрантский период был для Ходасевича трагедией, но той трагедией, которая, тем не менее, внесла неповторимый вклад в эмигрантскую литературу.

Положения, выносимые на защиту

1. Многие тенденции творчества Ходасевича определяются русским символизмом как главным литературным течением модернизма. Ориентация Ходасевича на классическую традицию также обусловлена его старшими современниками из символистского «лагеря». Однако если ранний Ходасевич даже в стилизованных стихах зависел от символизма, то его «зрелая» поэтика символизм преодолевает: особое отношение к классической традиции становится первостепенным, а символизм отходит на второй план.

2. Становление «зрелой» поэтики Ходасевича пришлось на переломные для истории России годы (годы Первой мировой войны, революций 1917 года, гражданской войны). В этот период Ходасевич переживает кризис идентичности, вызванный самоубийством ближайшего друга Муни и предощущением близящегося краха Российской Империи.

3. Кризисное состояние находит отражение в «макаберном» цикле стихов 1916–1917 годов, а также в стихах, примыкающих к циклу («Слезы Рахили», «Дома», «В Петровском парке», «Смоленский рынок», «О будущем своем ребенке...», «По бульварам»). Поэтика этих стихотворений ориентируется на гуманистическую и социальную традицию русской литературы, прежде всего, на лирику Н. Некрасова и прозу Ф. Достоевского. Цикл венчает стихотворение «Золото», которое отражает взгляды Ходасевича на исторический процесс. Эти взгляды выражены поэтом благодаря обращению к драме З. Красиньского «Иридион», которая является подтекстом

в классическом смысле слова. Проблематика драмы Красиньского воспринималась Ходасевичем в свете проблематики прозы Достоевского.

4. В некоторых стихах «макаберного» цикла («Слезы Рахили», «Смоленский рынок») Ходасевич находит новый принцип поэтики — принцип контаминации тем, образов, лексических формул и стилистических черт разных сегментов литературной традиции. Этот принцип будет особенно важен для поэтики «Тяжелой лиры».

5. В сборнике «Путем зерна» выделяется не только трагическая, но и оптимистическая смысловая линия, выраженная в ключевом для книги стихотворении «Путем зерна», а также в стихотворении «Хлебы». Эти стихи были связаны с революциями 1917 года, которые Ходасевич первые годы принимал, и отражают новое, более позитивное, представление об историческом процессе.

6. Аграрная образность стихотворения «Путем зерна» и других текстов одноименного сборника связана не столько с новозаветным планом, сколько с специфическим аграрным топосом русской литературы. В рамках этого топоса сельскохозяйственная образность была напрямую связана с идеей революции. Открытый в русской поэзии пушкинским «Свободы сеятель пустынный...», этот топос систематически развивался Некрасовым, поэтами–народниками, а также символистами, а после 1917 г. — «новокрестьянскими поэтами». Аграрные стихи Ходасевича непосредственно соотносятся с этой традицией. Кроме того, стихотворение «Путем зерна» является новым шагом в работе с поэтической традицией (ориентация не на конкретные претексты, а на литературные топосы).

7. Новый этап творческой эволюции Ходасевича приходится на 1920–1922 годы, когда поэт написал большинство стихотворений, составивших сборник «Тяжелая лира». Это годы поэтической славы Ходасевича. Здесь особенно важен трагический для истории русской литературы август 1921 года, когда был расстрелян Н. Гумилев и умер А. Блок. После смерти поэтов Ходасевич стал чувствовать себя продолжателем русской литературной

традиции по линии Блока, ведущей к Пушкину. Это ощущение проявлялось как в эго-документах, так и в поэтических манифестациях («Баллада»). Однако следование Блоку не было абсолютным. Как показывает история «тайных поминок» по символисту, Ходасевич не принимал блоковские идеи о народе и интеллигенции и не подхватывал мифологизированные представления Блока о России.

8. В «Тяжелой лире» — вершинном сборнике поэта — Ходасевич вырабатывает новый тип работы с традицией. Чтобы его описать, необходимо пересмотреть интертекстуальную теорию (в том виде, в каком она сложилась в российских исследованиях модернизма). В имплицитно инновативном сегменте поэзии русского модернизма работу с «чужим словом» в широком смысле слова (цитаты, аллюзии, реминисценции и т.п.) имеет смысл сопоставлять с фигурой фольклорного сказителя. «Чужое слово» для имплицитно инновативного модернистского поэта не является «подтекстом» в смысле К. Тарановского, то есть не является элементом, который «кодирует» смысл поэтического высказывания. Такой поэт воспринимает традицию как единый континуум, в котором, с одной стороны, выделяются (или создаются) общие места / топосы, с другой — лексические клише и поэтические формулы. Хотя имплицитно инновативный поэт волен сам создавать набор текстов, формирующих для него литературную традицию, освоение традиции заключается в умении расподоблять проблематику, темы и мотивы произведений с их лексическим и стилистическим воплощением. Поэтическая удача для такого поэта будет заключаться в том, чтобы в собственном поэтическом высказывании совмещать разные темы, образы и стили традиции, а в некоторых случаях и создавать топосы. Такая поэтика одновременно подключает поэта к традиции, но вместе с тем позволяет ему сказать нечто новое. Это отличает имплицитно инновативную поэзию от «неоклассицизма». В «Тяжелой лире» Ходасевич достигает виртуозного владения таким типом интертекстуальности.

9. Такие ключевые для сборника стихотворения, как «Баллада», «Элегия», а также ряд других, воплощают описанную в п. 8 новый тип работы с «чужим словом». В «Балладе» выделяется целый ряд претекстов, актуальных как для отдельных строк и образов, так и для всего стихотворения: образ восходящий к Державину и одновременно к Фету образ «тяжелый лиры», сюжет о передаче лиры младшему поэту, пушкинский «Пророк», статьи и стихи Блока, лирика Анненского и Мандельштама. «Элегия», в свою очередь, «играет» с претекстами из Жуковского, Дельвига, Баратынского и Тютчева, а также, вопреки своему названию, с жанровыми координатами, совмещая в себе жанровые рефлексии элегии, оды и баллады. В «Элегии» также обнаруживается традиционный (в понимании Тарановского) «подтекст» — стихотворение Дельвига «Элизиум поэтов» [Успенский 2014б; Успенский&Игнатъев 2018].

10. В поэтике «Тяжелой лиры» видное место занимает поэтическая ирония. В плане исторической поэтики фигуры иронии в книги Ходасевича восходят к поэтике Гейне. Гейне тематически и интонационно влиял на Ходасевича и раньше («В немецком городке», «Анюте»). Важен он и для таких стихов сборника, как «Улика» и «Жизель». Кроме того, Гейне во многом определил трактовку любовной темы, которая в «Тяжелой лире» подается одновременно и иронично, и исключительно серьезно (ср. «Жизель» и «Странник прошел, опираясь на посох...»). Лирика Гейне, уже вкупе с немецким экспрессионизмом, будет важна и для некоторых эмигрантских стихов Ходасевича [Успенский 2017а; Успенский 2017б].

11. В ряде стихов «Тяжелой лиры» выделяется «фирменный» прием Ходасевича — прием неожиданного смыслового поворота. В рамках этого приема финал противоречит предшествующему тексту и заставляет читателя перестроить уже сформировавшиеся представления о прочитанном. Этот прием имеет смысл описывать в психологическом ключе как работу сознания по разрешению когнитивного диссонанса, которая в ситуации обработки литературного текста запускает у читателя эстетическое переживание. В плане

исторической поэтики этот прием восходит не столько к поэтике эпиграммы, как это принято считать, сколько к поэзии Е. Баратынского, который последовательно использовал этот эпиграмматический принцип в своих серьезных стихах [Успенский 2013]. Ходасевич, во всяком случае, наследует именно Баратынскому, а не эпиграмме. Тот факт, что в сознании поэтов XX века этот прием воспринимался как «визитная карточка» Ходасевича, подтверждается сюжетом о влиянии Ходасевича на «Новые стихи» Мандельштама.

12. Положение Ходасевича в социальной структуре эмигрантских литераторов может быть достаточно точно описано на материале своеобразного дневника поэта — «Камер-фурьерского журнала», обработанного с помощью дигитальных методов и методов социального анализа. Ходасевич принадлежал к старшим эмигрантским писателям и сам знал больше «старших», однако в 1930-е годы больше общался с «младшими». Ходасевичу, однако, не удалось добиться социального успеха у «младших»: он проиграл борьбу за позицию властителя умонастроений своему оппоненту Г. Адамовичу. Впоследствии в мемуаристике и отчасти в исследовательской литературе сложились представления, что Ходасевич и не пытался претендовать на эту позицию, однако это неверно. Сетевой анализ «Камер-фурьерского журнала» позволяет также выявить ключевых фигур в сообществе писателей-эмигрантов и проанализировать динамику эмигрантской социальной сети (постепенное вытеснение «старших» «младшими»).

13. Эмигрантский период Ходасевича был для него растянутым во времени травматическим состоянием, в котором поэт не мог сформировать приемлемую для себя идентичность. Поиск новой, эмигрантской, идентичности у Ходасевича был связан с концом XVII века и XIX веком, т. е. с эпохой классической русской литературы. Это время воспринималось Ходасевичем как область символических проекций: в этой эпохе поэт пытался найти вдохновляющие модели для самоидентификации, однако из-за травмы у него это не получалось. Целый ряд прозаических текстов Ходасевича —

«Державин», незаконченная биография Пушкина, «Жизнь Василия Травникова», а также критика («Поэзия Игната Лебядкина») — оказываются глубоко автобиографическими произведениями.

14. Взгляд на эмиграцию Ходасевича как на состояние травмы позволяет по-новому рассмотреть его эмигрантские стихи и мемуары. Именно травмой объясняется сквозная для «Европейской ночи» тема физической неполноценности и деформации тела (как персонажей, так и лирического «Я»). Физическая неполноценность подается в стихах в разных модальностях: то как проявление мирового «уродства» (см. «Дачное»), то как трагедия личности («Баллада», «Джон Боттом»). Несмотря на то, что образы физической неполноценности находят соответствие в литературной традиции, их генезис лежит в области индивидуальной психологии поэта [Успенский 2015]. Травма может объяснять также и мемуарный очерк «Конец Ренаты», посвященный описанию жизни Нины Петровской. Объяснение жизни и смерти писательницы — при всей объективности нарратива Ходасевича — зиждется на символистской идее двойничества Петровской с ее сестрой-инвалидом [Uspenskij 2018].

15. Эмигрантский период Ходасевича разделяется на два этапа: 1922–1925 годы и 1925–1939 годы. В обоих случаях он переживал кризис идентичности и находился в состоянии травмы, однако между периодами есть принципиальное отличие. В 1922–1925 годы поэт был «полуэмигрантом» и считал, что может вернуться в Советскую Россию при нормализации политической и культурной жизни. Поэтому в эти годы у него было больше внутренних ресурсов взаимодействовать с травмой и воспринимать ее в большей степени если не в игровом, то как минимум в «остраненном» ключе. С 1925 года Ходасевич стал полноценным эмигрантом, и это обстоятельство не просто усилило его кризисное состояние, но и привело к концу 1920-х годов к поэтической немоте, поскольку сама идея поэтического творчества оказалась встроенной в структуру его травмы.

16. Анализ лирики Ходасевича 1922-1925 годов уже вне оптики травмы позволяет утверждать, что изначально «Европейская ночь» задумывалась как сборник сатирических стихотворений. Большинство персонажей, которых описывает Ходасевич в этих стихах, это не коренные европейцы, а русские эмигранты. Некоторые образы из этих стихотворений, например, «Каин» из цикла «У моря» напрямую соотносятся с советским революционным дискурсом. Сатирическая установка Ходасевича подкрепляется также тем, что ряд стихотворений 1922-1925 годов соотносятся с сатирическими стихами Саша Черного и Н. Некрасова. Тексты «Европейской ночи» 1925–1927 годов резко приглушили сатирическую модальность эмигрантских стихов и вышли на уровень экзистенциального общемирового отчаяния. Кроме того, эти тексты включили в географию сборника российское пространство, из-за чего стихи об эмигрантах стали по большей части восприниматься как стихи о коренных европейцах.

17. Важную роль в поисках новой идентичности и в поэтике Ходасевича играл А. Герцен, знаковый российский эмигрант XIX века. Ходасевич заинтересовался Герценом еще в 1917–1919 годы, о чем свидетельствуют герценовские образы в доэмигрантских стихах и публицистике поэта. В эмиграции Герцен становится для Ходасевича модельной фигурой. Двух писателей объединяет язвительная критика мещанства, неприятие современной европейской жизни и одновременно — политическая ситуация на родине («чуждость в обе стороны»), утопический взгляд на будущее (политический у Герцена и культурный у Ходасевича). Заглавие книги «Европейская ночь» восходит не столько к Шпенглеру или к идеям славянофилов, сколько к политической метафоре ночи из книги «С того берега» и отчасти — к ночной метафорике описания Николаевской России в «Былом и думах». Ряд написанных в эмиграции стихотворений развивает темы и образы публицистике Герцена (в первую очередь это касается политических стихов — «Интриги бирж, потуги наций...», «Сквозь облака фабричной

гари...»), однако их интертекстуальный план только Герценом не исчерпывается.

18. «Европейская ночь» почти целиком строится на диалоге с поэзией Некрасова. Ключевые стихи книги («Петербург», «Баллада», «Перед зеркалом», «An Mariächen», «Звезды») рекомбинируют темы и образы лирики Некрасова. Речь идет не только о поэтике страшного и темного современного города, введенной в русскую литературу Некрасовым, но также и о некрасовском отношении поэта и Музы, теме поэтической немоты, трагических сценариях судьбы обычной женщины. На восприятие Некрасова Ходасевичем оказало сильное влияние переоткрытие классика символистами (Брюсов, Бальмонт, Белый), а также научные работы формалистов. Однако, как и в других случаях, речь только идет об импульсе, заданном эпохой, — диалог Ходасевича с Некрасовым исключительно оригинальный и самостоятельный [Успенский 2012].

19. «Памятник» — одно из итоговых стихотворений Ходасевича — отражает эмигрантские представления о будущем России. Если контрастно сравнивать его с известными эмигрантскими стихи Г. Иванова «Россия счастье. Россия свет...», то важно заметить, что Иванов в своем остросоциальном тексте движется от политики к литературе, поскольку его стихи связаны с Достоевским [Успенский 2016], тогда как Ходасевич, работая в чисто эстетическом жанре памятника, напротив, несколько парадоксально движется от литературы к политике. «Памятник» — двуплановое стихотворения, которое читается одновременно и в рамках литературной традиции, и в рамках эмигрантского политического дискурса. Критика Ходасевича, в которой выделяется устойчивая тенденция с разговора о политическом положении дел в Советской России переходить на разговор о современной литературе и наоборот, формирует тот фон, на котором «Памятник» воспринимается как остросоциальное стихотворение. В частности, в нем отражаются вполне конкретные политические мысли об

ожидаемом соединении метрополии и диаспоры и о начале нового исторического этапа в судьбе России.

20. Ходасевич является одним из важнейших модернистов, продолживших русскую классическую традицию. Если и говорить о нем как о «неоклассике», то со множеством оговорок, поскольку «неоклассицизм» Ходасевича является следствием исключительно оригинального и напряженного диалога как с русской, так и с европейской литературой.

Литература

Ананко 2020 — Ананко Я. Каникулы Каины. Поэтика промежутка в берлинских стихах В. Ф. Ходасевича. М., 2020.

Богомолов 1989 — Богомолов Н. А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Ходасевич В. Стихотворения / Сост., подгот. текста и прим. Н. А. Богомоллова и Д. Б. Волчека. Л., 1989. С. 5–48.

Богомолов 2011 — Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011.

Бочаров 1996 — Бочаров С. Г. «Памятник» Ходасевича // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1. С. 5–56.

Зельченко 2019 — Зельченко В. Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: комментарий. М., 2019.

Каспэ 2005 — Каспэ И. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М., 2005.

Левин 1986 — Левин Ю. И. Заметки о поэзии Вл. Ходасевича // Wiener Slawistischer Almanach. 1986. Bd. 17. P. 43–129.

Лорд 2018 – Лорд А. Б. Сказитель. СПб., 2018.

Муравьева 2013 — Муравьева И. А. Жизнь Владислава Ходасевича. СПб., 2013.

Скворцов 2021 — Скворцов А. «Но мир мой ширится, как волны...». О поэзии Владислава Ходасевича. М., 2021.

- Сурат 1994 — Сурат И. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.
- Тынянов 1977 — Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Успенский 2012 — Успенский П. Ф. «Начинаются мрачные сцены»: поэзия Н.А. Некрасова в «Европейской ночи» В. Ф. Ходасевича // *Europa Orientalis*. 2012. № 31. С. 129-170.
- Успенский 2014а — Успенский П. Ф. Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900–е гг. — 1917 г.). University of Tartu Press, 2014.
- Успенский 2014б — Успенский П. Ф. «Лиры лабиринт»: почему В.Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов «Тяжелая лира»? // Лотмановский сборник. Вып. 4. М.: ОГИ, 2014. С. 450–467.
- Успенский 2013 — Успенский П. Ф. Поэтическая техника Боратынского в стихах Ходасевича // А.М.П.: Сборник памяти А.М. Пескова. М., 2013. С. 525–534.
- Успенский 2015 — Успенский П. Ф. Травма эмиграции: физическая ущербность в «Европейской ночи» В. Ходасевича // *ACTA SLAVICA ESTONICA VII*. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века Вып. XIX. Тарту, 2015. С. 192–210.
- Успенский 2016 — Успенский П. Ф. «Россия счастье. Россия свет...» Г. В. Иванова и наследие Ф. М. Достоевского // *Русская литература*. 2016. № 1. С. 181–189.
- Успенский 2017а — Успенский П. Ф. В. Ф. Ходасевич и Г. Гейне (Статья первая) // *Новый филологический вестник*. 2017. № 1(40). С. 158–169.
- Успенский 2017б — Успенский П. Ф. В. Ф. Ходасевич и Г. Гейне (Статья вторая) // *Новый филологический вестник*. 2017. № 3(42). С. 215–227.
- Успенский&Игнатъев 2018 — Успенский П. Ф., Игнатъев Д. Д. Путешествие в литературный элизиум: «Элегия» В. Ходасевича // *Новый мир*. 2018. № 2. С. 185-195.

- Ушакин&Трубина (ред.) 2009 — Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М., 2009.
- Федотов 2017 — Федотов О. Стихопозитика Ходасевича. М., 2017.
- Шубинский 2011 — Шубинский В. Владислав Ходасевич: чающий и говорящий. СПб., 2011.
- Bethea 1983 — Bethea D. Khodasevich, his life and art. Princeton, 1983.
- Caruth 1996 — Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narratives, and History. Baltimore, 1996.
- Demadre 1999 — Demadre E. La quête mystique de Vladislav Khodasevič: Essai d'interprétation de l'oeuvre poétique du dernier symboliste russe. Paris, 1999.
- Livak 2003 — Livak L. How It Was Done In Paris: Russian Emigre Literature & French Modernism. University of Wisconsin Press, 2003.
- Uspenskij 2018 — Uspenskij P. What interpretation did V. Khodasevich give to the life of N. Petrovskaya in emigration? On the poetics of “Renata’s End”, a memoir essay // Новый филологический вестник. No. 1(44). P. 161-178.